

РУСЛАН СЕМЯШКИН

*публицист, общественный деятель,
член Крымского рескома КПРФ*

ВЕЛИКОЕ СЛУЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ

К 110-летию со дня рождения Георгия Маркова

1

О классиках советской литературы в наше время говорят нечасто, и оценки бывают далеко не однозначными. Что и неудивительно. У нас до сих пор нет единого понимания советской литературы как уникального явления, возникшего в результате колоссальных преобразований в стране после 1917 года. Во многом это даже и хорошо, что на литературный процесс советского времени и его непосредственных участников смотрят в современной России по-разному, руководствуясь, в первую очередь, личными интересами и предпочтениями.

Каковы же данные интересы и предпочтения? Не основываются ли они на элементарном незнании многих фактов, напрямую связанных с советской многонациональной литературой и личностями, её творившими?

Почему пишу об этом, предваряя разговор о большом писателе? А потому, что и с годами не прекращаются потоки лжи, очернительства, не прекращаются навешивания несуразных обвинений в адрес целого ряда самобытных художников.

Среди многих (вполне образованных и интеллигентных) сограждан распространено до боли банальное суждение примерно такого содержания: “Если писатель советский, то, значит, обслуживал авторитарную власть, работал на тоталитарную систему, да и писателем-то такого человека можно назвать лишь с натяжкой, поскольку настоящим талантам в СССР развернуться не давали”. Не называя конкретных имён, скажу и о том, что среди таких “недовольных” советским строем литераторов, как ни странно, оказалось достаточно и таких, кто в советские годы тогдашнюю власть славил, находясь в рядах правящей партии, получал от этой власти высокие государственные награды, звания, другие блага...

А вот по-настоящему советским писателям действительно не повезло. Нападать же на них, в том числе и тех, кто давно ушёл в вечность, продолжают по-прежнему. Ругают, принижают талант, называют неподобающими словами, не желая слышать противоположного мнения.

К сожалению, не миновала чаша сия и выдающегося русского советского писателя, публициста, общественного и государственного деятеля Георгия

Мокеевича Маркова, чей сто десятый день рождения приходится на 19 апреля текущего года.

Тем не менее, оговоры и критиканство писатель переносил стойко. Держать удар, не теряя собственного достоинства, Марков умел. Способен он был и трезво оценивать подобные неурядицы, о чём писал внук писателя, кандидат исторических наук Ф. Тараторкин: “Было время, когда как только не травили Георгия Мокеевича. Называли одиозным советским деятелем, обвиняли его в насаждении культа собственной личности. Всем, кто был с ним знаком, было ясно: это бред. Скромность, неприязнительность, простота Георгия Мокеевича, полное отсутствие всякой позы и равнодушие к почестям и регалиям были притчей во языцех в писательских кругах. Он не выносил подхалимов, но при этом всегда был ровен, сдержан и корректен со всеми, в том числе с собственными гонителями и хулителями. Помню, меня это задевало, я не мог понять, почему он не отвечает на заведомую клевету, на жестокие и ложные обвинения. Он видел, слышал и читал всё, что о нём писали. И ни разу никому не ответил. На мой прямой вопрос однажды отозвался так: “Ну, недопоняли чего-то, не разобрались. Ладно уж”. Его незлобие и доброжелательность поражали и, казалось, не имели границ”.

Далее в этой публикации внук Маркова обращает внимание читателей на ключевой момент, связанный с жизнью писателя и пониманием его мировоззрения: “В 1988 году на XIX Всесоюзной партийной конференции давний друг Георгия Мокеевича Егор Кузьмич Лигачёв произнёс самую, наверное, пронзительную свою речь. Увы, в памяти многих людей сохранился только растиражированный упрёк “Борис, ты не прав”. Не запомнилось, похоже, ни как это было сказано, ни почему. Мне тогда было четырнадцать лет, но до сих пор ярко помню достоинство и спокойствие тогдашней речи Лигачёва. Не забуду, с какой гордостью за их многолетнюю тёплую дружбу слушал Егора Кузьмича мой дед. “В годы застоя я жил и работал в Сибири – краю суровом, но поистине чудесном, – говорил тогда Лигачёв. – Меня нередко спрашивают, что же я делал в то время. С гордостью отвечаю: строил социализм. И таких были миллионы”. Пафос Лигачёва был для моего деда и его правдой, его историей, его видением времени и самого себя. Я бережно храню его партийные документы, понимая, что коммунистическая идеология была для него тем воздухом, которым он дышал, тем маяком, по которому он сверял свои действия и решения”.

О том же, какими были взгляды и представления писателя о мире, как он понимал прошлое, настоящее и будущее страны, красноречиво говорили его произведения, в том числе и публицистические, где более конкретно, без привязки к вымышленным событиям и героям, Марков писал о Сибири, её тружениках и гигантских стройках, о литературе, писателях, их конкретных произведениях, о вопросах духовно-нравственного воспитания личности, о различных сторонах общественной жизни.

Говоря о Маркове, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов его общественно-политическую деятельность, которую и не могут простить писателю те, кто увлёкся и опьяненными по извержению антисоветской пропаганды. И опять-таки слышатся несуразные обвинения в том, что “зажимал, запрещал, мешал”, так как руководил Союзом писателей самолично, чётко выполняя указания, получаемые со Старой площади. А уж там за “послушание” Маркова ценили, наделяя властными полномочиями, избирая в высшие партийно-государственные органы, чрезмерно награждая. Но справедливы ли такие оценки? А честны ли сопоставления и злорадство по поводу того, что Маркову второй раз присвоили звание Героя Социалистического Труда, а вот такой крупнейший русский прозаик, как Л. Леонов, был удостоен этого высочайшего государственного признания только лишь единожды?

Нет, не честны, не объективны и не справедливы. О наградах, думается, так и вообще говорить кощунственно. Кстати, дикое сравнение Маркова и Леонова по количеству у каждого из них геройских звёзд автору этих строк приходилось слышать не только от людей, глубоко и беспристрастно в этом вопросе не разобравшихся, но и встречать намёки на него аж в дневнике такого видного украинского советского писателя и общественного деятеля, как О. Гончар. Вот так-то! Оказывается, и в среде корифеев советской литературы не всё было гладко... И там наблюдались зависть и злорадство, помноженные, ко всему прочему, и на элементарную непопорядочность, тем не менее, такими людьми умело скрывавшуюся.

Мог ли Марков их всех, русских и представлявших национальные литературы, как того же Гончара, оказавшегося на излёте советской эпохи, так до сих пор основательно не изученной и многими не понятой, сторонником националистических политических сил, олицетворением которых в УССР был приснопамятный РУХ, — всецело устраивать? Вряд ли. Но, что интересно, и каких-либо серьёзных нареканий в адрес Маркова как руководителя Союза писателей СССР также не высказывалось. Все разглагольствования сводились, как правило, к частностям из серии: “не то сказал, вовремя не заметил, не выдвинул, не написал представление к награждению, не помог в решении бытовых вопросов”.

Для понимания личности Маркова, в том числе и как первого секретаря правления Союза писателей СССР, позволю себе привести слова В. Казакова, в чем-то спорные, но написанные, по всей видимости, от души, из статьи “Слово для дела или дело для слова?”, опубликованной в “Литературной газете” к столетнему юбилею со дня рождения писателя: “Ещё со времён баек Войновича про то, как ему не дали то шапку, то писательскую квартиру, руководители СП выставляются тупыми бездарными монстрами. Но Марков — талантливый писатель. Были ли у него свои заморочки? Без сомнения. Но при этом, уверен, он был честным человеком. Другое дело, что такие большие люди, как Георгий Марков, уходили в писательские функционеры. Отодвигая от себя литературу — это да. Я думаю, это была трагедия личная для него. Сильный писатель вдруг начинает заниматься абсолютно бредовым для нормального человека делом. Заседания, коллегии, отчёты, конференции, бухгалтерия! Да какая бухгалтерия! Назовём всё своими именами: Союз писателей СССР был министерством литературы. Или министерством книги, так поэтичнее. А Марков соответственно — министром. Ему подчинялась огромная индустрия. Десятки журналов, газет, издательства, типографии, дома творчества, поликлиники, детские сады, санатории, квартиры, кооперативы, дачи. Причём это всё дублировалось на уровне союзных республик. Империя целая.

Что его толкнуло на это? Жажда благополучия, сытой жизни? Не думаю. К 1971 году, когда он возглавил Союз, Марков был состоявшимся и состоятельным писателем. Его книги выходили миллионными тиражами. И кстати, до сих пор выходят. Последние переиздания — 2007 и 2008 годов. Он получил Сталинскую, Государственную (имеется ввиду Государственная премия РСФСР имени братьев Васильевых. — **Р. С.**), Ленинскую премию. Кстати, одну из премий, 10 000 рублей — огромные деньги по тем временам, цена лучшей квартиры в Москве — он отдал на строительство библиотеки в родном селе. Не напомним ли мне, кто из нынешних лауреатов государственных и прочих “Букеров” сделал то же самое? Я не осуждаю никого, просто спрашиваю: может, упустил кого в суете. Уже позже Марков отказался от установления бронзового бюста на родине. Эта процедура была положена всем дважды Героям Советского Союза. Или Социалистического Труда, коим Марков и являлся. То есть тщеславие при уходе в литературные функционеры решающей роли, видимо, не играло”.

Для тех, кто искренне служил литературе, кто самозабвенно работал на местах, а не только в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик, Марков всегда был непререкаемым авторитетом. Прекрасно знали в писательских организациях регионального уровня и о деловых качествах Георгия Мокеевича, и о чисто человеческих. “Литературный генерал”, как Маркова называет писатель и историк советской литературы В. Огрызко, был человеком отзывчивым, доброжелательным, не даром, как писал поэт и публицист, главный редактор “Сибирских огней” А. Смердов, “...не только в писательской среде слышится по-свойски почтительное его поименование — Мокеич”. Он старался помогать всем тем, кто в его помощи нуждался. Не всё, как и бывает в реальных жизненных обстоятельствах, получалось... Всё же и Марков был не всесильным.

“Георгий Мокеевич, — вспоминал бывший секретарь правления Союза писателей СССР К. Скворцов, — был одним из немногих руководителей Союза писателей, который знал практически всю отечественную литературу, никогда не путал даже самых неудобных для славянского произношения имён и фамилий писателей наших республик и Запада, не говоря уж о писателях Урала, Сибири и Дальнего Востока. Не было ни одного классика, в кавычках и без

онных, в судьбе которых он не принял бы участия. В шесть часов утра он просматривал все основные газеты (что неоднократно и мне советовал делать), потому всегда был в курсе всех событий не только литературы, но и далёких от неё. В выходные дни с раннего утра он совершал вояжи по книжным магазинам Подмоскovie, скупая книги провинциальных авторов, и обязательно их прочитывал. Как он это всё успевал – непостижимо!

Время, когда Марков руководил Союзом писателей СССР, уже не было фадеевским – “расстрельным”, но не было и простым. СП СССР как организация во многом подчинялся идеологическому отделу ЦК КПСС, но каждый писатель был вправе, как и сегодня, выбрать свой путь, свою судьбу в литературе, за что тогда уже не уничтожали, но частенько и не печатали. . .

По инициативе Георгия Маркова, а не только ЦК мы. . . добились отмены пресловутого постановления по журналам “Звезда” и “Ленинград” и, как говорил поэт, свершали “и другие добрые дела. . .” Была перестройка. Перестройка ещё не началась.

Скромный от природы, Марков не претендовал на звание “классика”, будучи писателем, который всегда подставлял своё плечо коллегам, сам оставаясь в полутени, несмотря на все свои звания и награды. Его романы читались в своё время, как сегодня читаются самые тиражные издания”.

Времена, как известно, не выбирают. А вот то, что время выбрало однажды Маркова в качестве своего олицетворения, убедительно подтверждавшего преимущества социалистического строя, факт неоспоримый. И писатель старался своё время – не идеальное, конечно, но далеко и не такое страшное, как пытаются его сегодня некоторые современники представлять – духовно обогащать, создавая собственные произведения и развивая многонациональные литературы, способствуя тем самым тому, чтобы писатели в Советском Союзе имели все возможности для творчества и оставались людьми уважаемыми и авторитетными, а советские граждане продолжали быть самыми читающими людьми в мире.

Убеждён, эту правду забывать не стоит! Следует её доносить и до будущих поколений.

2

Художественное своеобразие Маркова как романиста, тяготевшего к созданию эпических полотен, проявилось в нескольких существенных моментах.

Во-первых, на протяжении всего творческого пути, начиная со “Строговых” и заканчивая романом “Грядущему веку”, он был неизменно предан одной большой всеобъемлющей теме, посвящённой грандиозным народнохозяйственным и социально-психологическим изменениям и преобразованиям, произошедшим в Сибири в результате свершения Великой Октябрьской революции. В сущности, Сибирь и выступала в качестве главного героя марковских произведений. И если даже сюжетные линии выходили за её пределы, как, например, в романе “Сибирь”, где действие временно переносилось в дореволюционные Петербург и Стокгольм, или как в романе “Грядущему веку”, в котором автор забрасывал своего главного героя, первого секретаря Синегорского обкома партии Антона Соболева, в капиталистическую Италию 70-х годов прошлого столетия, то всё же и эти перемещения как бы вращались вокруг Сибири.

Во-вторых, многогранность таланта позволяла Георгию Мокеевичу без каких-либо особых затруднений сочетать в писательской работе как черты художника, так и практические навыки публициста. При этом художник Марков никак не противоречил Маркову-философу и историку. Исследовательская деятельность писателя не носила, разумеется, сугубо научного характера, так как учёным, посвятившим себя служению науке, он не был, а являлась, по сути, тем вспомогательным делом, позволявшим ему неплохо разбираться в определённых исторических периодах в жизни Сибири. В этой связи приведу фрагмент из очерка Маркова “Среда – знание – труд”, где он рассказывает о том, как трудился над созданием своего первого романа “Строговы”: “Свой роман “Строговы” я писал медленно, идя от варианта к варианту. Самый верный, самый поэтический материал для романа мне дали впечатления детства и юности, знание жизни родной деревни, её обитателей.

Но, естественно, пришлось привлекать и дополнительные факты, и сведения. Скажем, я нередко показываю в романе революционное настроение крестьянства, показываю это на конкретном материале борьбы за охотничьи и промысловые угодья. Я не был свидетелем, непосредственным очевидцем всего этого. Поэтому, чтобы представить себе общую картину этой борьбы, я начал изучать статистические сборники, различные исследования о сибирской деревне, волостные архивы, рыночные дневники Красноярска, Томска. Таким образом, экономика сибирской деревни предстала передо мной в более широком, полном виде. Изучал я также и историю сибирских тюрем и ссылки, так как ссылки оказывали большое влияние на местное население. Словом, прежде чем написать роман, я проделал огромную подготовительную черновую работу. Молодёжь должна знать, что без такой работы, на первый взгляд, очень неблагодарной литературное творчество невозможно”.

В-третьих, работая над описанием Сибири, края огромного, скорее даже и не края, а целого континента, удивительного, с его обширными лесами и протяжёнными реками, несметными природными богатствами и масштабными, всесоюзного значения стройками, по крайней мере, бывшими на то время, Марков с предельной художественной достоверностью и большой эмоциональной силой обозначал знаковые вопросы, напрямую связанные с морально-нравственной стороной жизнедеятельности общества. И таких было немало, начиная с самого краеугольного, принципиально важного, зримо высветившегося ещё в романе “Строговы” и касавшегося исторического конфликта двух диаметрально противоположных форм человеческого восприятия и постижения действительности: индивидуалистической и коллективистской.

А уж вокруг этого, по сути, мировоззренческого конфликта вращались и более, что называется, приземлённые и локальные проблемы, впрочем, не менее актуальные. Скажите, разве вопрос о борьбе с хищниками, жившими в заскорузлом мире безудержного накопительства, коварства, лжи, подлости, кулаками и мироедами, зажимавшими сибирское крестьянство, не имел под собой реальной почвы и не стоил того, чтобы подвергнуть его писателю исследованию в таких романах, как “Строговы”, “Отец и сын”, “Сибирь”? Или не важно было взглянуть на проблему отношения человека к природе? А оно далеко не всегда было гуманным, заботливым и рачительным. Марков неоднократно показывал людей, воспринимавших природные богатства лишь как средство для обогащения и не думавших о будущем родного края, но при этом готовых за владение данными природными ресурсами побороться. Наглядным примером такого несправедливого, собственнического подхода к народному достоянию являлась схватка, описанная в “Строговых” и рассказывающая о том, как богатеи Юткины и Штычковы бились из-за кедровника с крестьянами их деревни Волчьих Нору.

Показывая подобные, носившие классовый характер столкновения, когда на одной стороне находились силы индивидуализма, а на другой – силы народного коллективизма, Марков вдобавок к сему высвечивал и целый ряд негативных явлений, таких, как приспособленчество, корыстолюбие, алчность, стяжательство, лицемерие, подлость. К сожалению, не будут эти пороки изжиты и в советское время, в чём мы станем убеждаться, смотря на некоторых героев из прозы писателя, посвящённой им современности.

К сему следует добавить одну немаловажную деталь. Марков как тонкий психолог, привыкший скрупулёзно разбираться в характерах своих героев, а многие из них имели и прототипов в реальной жизни, не старался сгущать краски, дабы показать отрицательных героев предельно просто и прямолинейно, по известной формуле, согласно которой есть во всех отношениях хорошие персонажи, а тот или иной герой – плохой, живёт бесчестно, и этим всё сказано. Шаблонных подходов писатель избегал, понимая, что в жизни с её непредсказуемыми зигзагами всё значительно сложнее, и подобное одностороннее разделение на хороших и нехороших, добрых и злых в действительности не срабатывает.

А вообще-то Марков, вводя в канву повествования героев противоречивых, вроде и не законченных негодяев и прощелыг, но и не блещущих добродетелями, оставлял возможность самому читателю оценить такие образы и их поступки. Однако, как оказалось, не так-то и просто судить о внутреннем мире и делах таких героев, как, скажем, Артём Строгов из романа “Соль земли”.

Секретарь райкома партии, человек честный, деятельный, болеющий за общее дело, он тем не менее не способен заглянуть за горизонт. Не понимает Артём и тех, кто думает о перспективах освоения природных богатств Улукюля. Для него они – мечтатели, прожектёры. И в этом понимании действительности он стоит твёрдо, не отдавая себе отчёта в том, что мыслит узко, местечковыми мерками, без государственного размаха, отличавшего настоящих управленцев той поры. Но вправе ли мы ругать его за это несоответствие вызовам выпавшего на его долю времени? И да, и нет.

Посему, не вдаваясь в подробности, но взвешивая все его положительные качества и наблюдая за тем, как он реально отстаёт в своём развитии и поступательном движении к новым жизненным высотам, возьму на себя смелость и всё-таки причислю Артёма Строгова к героям положительным. Хотя, конечно, мой вывод крайне субъективен уже, в первую очередь, по той причине, что смотрю я на этот образ через призму дня сегодняшнего, в котором мы – российские граждане вроде великой и могучей страны, с её несметными возможностями и богатствами, – испытываем дефицит руководителей честных, искренно верящих в государство и его институты, не подверженных мздоимству и живущих не ради личного обогащения. В этом отношении различие между такими, как Артём Строгов, притом, что и мыслил он всё ж узковато, и теми, кто в нашем времени используют руководящие должности для удовлетворения собственных амбиций и решения своих подчас откровенно корыстных интересов, столь разительно, что обсуждать его нет никакого смысла. То поколение, и это необходимо признать, в основе своей было бесребрениками, людьми, довольствовавшимися малым и не гнавшимися за мнимым, с мещанским душком благополучием. И не будь у них этих качеств, не думай они “вначале – о Родине, а потом – о себе”, неизвестно, что было бы с нашим государством и его жемчужиной – Сибирью, развивавшейся, особенно в те, послевоенные годы семимильными шагами, чему не переставал удивляться и чем не уставал восхищаться писатель и подлинный советский патриот Марков.

В романе “Соль земли” присутствует и ещё один очень существенный эпизод, по которому опять же приходится судить о существовании ряда героев и определяться с тем, кто они – люди порядочные и живущие по совести, или беспринципные временщики, привыкшие подстраиваться под вышестоящее начальство и определённые жизненные обстоятельства? А речь о том, как проходило заседание бюро Притаёжного райкома партии, на котором рассматривалось персональное дело коммуниста, учителя Краюхина, одного из главных героев романа, олицетворявшего собою всё лучшее, что должно быть в человеке, и стремящегося к открытию природного потенциала Улукюля. Конечно, из партии его исключают по формальным причинам – за самовольную отлучку из школы в рабочее время и гибель взятого в тайгу общественного коня. Фактически же районное руководство увидит в нём человека, не желающего считаться с их мнением, воспринимаемым ими как единственно правильное и отвечающее государственным интересам. Стало быть, и Краюхин должен, вопреки своим наблюдениям, поискам, исследованиям, мыслить так же, как и они, а никак иначе.

Казалось бы, налицо вполне объяснимый конфликт между застывшими на месте управленцами, уверовавшими в то, что их район должен стать плацдармом для выращивания льна, и пытливым искателем, желающим докопаться до истины, тем самым найдя в Улукюле куда более существенные резервы для его последующего интенсивного развития.

Вот тут-то и возникает главный вопрос: как оценить позицию Артёма Строгова, выявившуюся на том заседании, и воинственность председателя райисполкома Череванова вместе с защищавшим последнего начальником милиции Пуговкиным, не преминувшим напомнить Краюхину о возможности обращения в суд за то, что тот в отчаянии назвал председателя исполкома хвостистом? Перечитывая страницы романа, повествующие о том кульминационном повороте в единой сюжетной линии повествования, вновь убеждаюсь: да, Строгов, Череванов, Пуговкин и другие заблуждались, повели себя неправильно, не по-товарищески, но, подчеркну, эти их отступления от истины не носили злонамеренного характера. И, как бы там ни было, их нельзя считать людьми, не болевшими за порученные им участки работы. Не назовёшь их и равнодушными созерцателями. Ни в коем случае не приклеишь им

и ярлык руководителей, не отстаивавших интересы района как составной части всего социалистического государства.

В том и проблема, говорит нам Марков, исколесивший Сибирь и повидавший массу подобных столкновений тех, кто накрепко уцепился за день вчерашний, и людей, жадно впитывающих новшества дня сегодняшнего, что старое, заскорузлое мышление укореняется крепко, основательно, тормозя стучащиеся в дверь перемены.

Марков был взыскательным художником и суетности в процессе писания произведений не допускал. Она ему претила. Посему, если сложить вместе всё, им написанное, и сравнить по объёму с созданным другими маститыми советскими прозаиками, то Георгий Мокеевич окажется явно не в числе передовиков писательского цеха. Но стоит ли оценивать писателей лишь по количеству созданных ими произведений? Или, может, есть необходимость задуматься над тем, а современен ли творческий багаж Маркова, творившего в 30–80-е годы XX века, сегодня, на двадцать первом году XXI века, века новых технологий и стремительного внедрения в жизнь новшеств, которые 30–50 лет тому назад трудно было даже представить?

Для того же, чтобы ответить на эти вопросы, следует вновь обратиться к произведениям писателя. Перечитать, переосмыслить, попытаться взвесить их с позиций дня сегодняшнего, уйдя при этом от бездумного навешивания ярлыков, несправедливых, зачастую и откровенно похабных, а фактически и перечёркивающих всю советскую литературу.

Наверное, нет нужды писать о том, что русским языком Марков владел в совершенстве и письмо его было исконно традиционным и выдержанным, точным, в меру красочным, без языковых украшательств и лишних огрехов, маловыразительных слов и фраз. Да и писал он неторопливо, основательно, закладывая в каждое предложение лишь самое необходимое и то существенное, что позволяло рисовать как событийный фон, так и портреты героев, тщательно выписывая их мысли, монологи и диалоги.

Куда важнее то, каков был художественный мир писателя, в конечном итоге и поставивший Маркова в первый ряд крупнейших советских писателей, с чьими именами, по сути, и ассоциируется в нашем понимании вся многонациональная советская литература. Существенен вопрос и о писательском стиле Маркова, темах его произведений, сюжетных линиях, героях, постижении их характеров и возможности философского осмысления прозы и публицистики, вышедшей из-под пера писателя.

В статье “В поисках поэзии и правды”, написанной в 1963 году, Марков высказал одно справедливое суждение, в полной мере касавшееся и его творческого существа: “Нельзя писать, не познавая Родины, не познавая жизни, её людей, не видя полей и лесов, морей и рек, не слыша свиста степных ветров, не зная запахов родной земли. И познание это должно быть постоянным и непрерывным, как непрерывна сама жизнь. Но невозможно дать писателю такую всеобъемлющую инструкцию для такого познания, ибо каждый писатель познаёт действительность своим особым способом, присущим только ему одному. Однако же при всём этом кому же из литераторов не известно, что и Пушкин, и Лев Толстой, и Горький, как и многие советские выдающиеся писатели, обогащали свои знания и своё воображение благодаря поездкам по родной стране и встречам с людьми?!”*

Такие встречи, поездки, а вместе с ними и выступления в различных аудиториях практиковал и Марков, и не только в те годы, когда приобрёл всесоюзное признание и возглавлял правление Союза писателей СССР. Колесил он по родным местам и в более ранние годы.

Любопытными представляются и некоторые размышления Маркова о писательском труде, высказанные им в большой, что называется, программной статье “За высокую идейность и художественность советской литературы”, написанной в 1961 году. Приведу их с небольшими комментариями: “Мы порой стараемся облегчить себе задачу, упростить цель своего писательского труда, считая, что если человек велик и интересен в конечных результатах своей деятельности, то достаточно показать эти результаты, и художественный образ современника якобы готов. Тем самым мы уходим от главного нерва искусства — от исследования человеческой судьбы, человеческого развития, от раскрытия *диалектики души* человека, от исследования того, какие истоки питают этот результат”.

Именно так о важности исследования человеческих характеров Марков писал не случайно. Внутреннему миру героев он придавал первостепенное значение. Особо старательно писатель выписывал при этом положительные образы. Но и приукрашивания, чрезмерного любования героями Марков старался избегать. Отсюда и прорастала их реалистичность, не вызывавшая у читателя сомнений. Подчеркну – реалистичность, а не простоватость, от которой, как известно, недалеко и до примитивизма. А уж таких марковских героев, как Анну и Матвея Строговых, деда Фишку из “Строговых”, Максима и Артёма Строговых, Краюхина, Лисицына, встретившихся нам на страницах “Соли земли”, Романа Бастрыкова из романа “Отец и сын”, Федота Безматерных, Степана Лукьянова, Ивана Акулова, Катю Ксенофонтову, Венедикта Лихачёва из “Сибири”, Антона Соболева из романа “Грядущему веку”, этакими простачками с примитивным мышлением никак не назовёшь. Скорее наоборот. Мы видим их сильные натуры, цельность характеров, целеустремленность, деловые качества.

Далее мастер говорил о том, что “попытки под флагом новаторства протаскивать оправдание формализма есть отступление от лучших традиций реалистической революционной литературы. В конечном счёте, такие попытки ведут к потере художественности, к огромным потерям в области формы, так как форма всегда существовала, красота её зависит от глубины и содержательности того, что она призвана выражать”.

Формализма в литературном творчестве Марков не допускал.

3

Портрет большого мастера окажется не полным, если мы, потомки, пытаемся постичь его величие, не обратимся к тем истокам, которые и вывели на широкий жизненный простор писателя и гражданина Георгия Маркова.

Родился будущий классик советской литературы в селе Ново-Кусково Томской области в многодетной, небогатой по достатку семье охотника, ставшего впоследствии организатором первой коммуны на Васюгане. “Я происхожу, как говорят, из простонародья, – вспоминал годы спустя Марков. – Наша семья – потомственная охотничья семья. Рос я в тайге, дом наш стоял в лесной глуши... Среда, которая меня окружала, была средой охотников. В охотничьих семьях было принято приучать детей с малолетства к ремеслу, которым занимались отцы и деды”.

Рано он начал приобщаться и к суровому быту простых тружеников, и к изучению величественной природы, и к меткому народному слову. А охотничья среда стала его первой жизненной школой.

Тринадцатилетним пареньком Марков вступает в комсомол и буквально сразу же становится селькором газет “Томский крестьянин”, “Красное знамя”, “Путь молодёжи”. Несколько позже он был выдвинут на комсомольскую работу. Непродолжительное время трудился в Сибирском краевом комитете комсомола, в Новосибирском и Томском горкомах комсомола, редактором юношеского журнала “Товарищ” и краевой газеты “Большевицкая смена”, издававшихся в Новосибирске; одновременно обучался и в Томском университете.

На глазах Маркова в Причулымье пришла Советская власть и начались великие перемены, в результате которых на местах бывших охотничьих и рыбацких станов, заброшенных скитов стали появляться посёлки нефтяников, газовиков, горняков и лесодобытчиков, а также и сельскохозяйственные комплексы.

Эти невиданные доселе преобразования не оставляли Маркова равнодушным. Вместе с журналистскими текстами он исподволь начинает писать и прозаическое произведение. Причём он сразу дерзновенно берётся за написание большого романа.

Первую книгу романа “Строговы” Марков, двадцати семи лет от роду, завершит в 1938 году и повезёт в Москву. “Рукопись своего романа я хотел передать П. А. Павленко, – вспоминал через два десятилетия Марков, – но не решился и отнёс в Гослитиздат. Зная, что рукописи читают не сразу, я купил билет и собрался уже ехать обратно в Сибирь. Но перед отъездом всё же позвонил в издательство, и мне сказали: “Вот вы где! А мы вас ищем с милицией!” Случилось так, что рукопись мою прочитал как раз Павленко. Он дал положительный отзыв. Мне пришлось продать билет и остаться”.

“Строговых” в Гослитиздате прочитает и И. Э. Бабель. А затем, в один из приездов Маркова в Москву, состоится и их личное знакомство.

“Я прочёл вашу рукопись с удовольствием, — скажет маститый писатель начинающему прозаику. — Вы мир видите просто и просто о нём пишете... Учтите: ничто не имеет столько нераскрытых возможностей, сколько настоящее чувство художественной простоты. Если вы будете следовать этому — вас ждут удачи”.

Этому совету Марков последовал. В дальнейшем он в действительности писал просто, но не упрощённо, не допуская неточностей, словесной эквилибристики, неоправданных повторов и расплывчатости сюжетных линий.

А работу над “Строговыми” прервёт Великая Отечественная война, и вторая книга романа в свет выйдет только в 1946 году в Иркутском областном издательстве.

Суровые военные испытания, выпавшие на долю нашей страны и народа, не обойдут стороной и Маркова, которого страшная весть застала в родном селе Ново-Кусково, куда он приехал с женой и дочкой порыбачить, походить по тайге с ружьишкой и поработать над второй книгой “Строговых”; он ушёл на войну добровольцем. Более четырёх лет прослужит он в войсках Забайкальского фронта в редакции войсковой газеты “На боевом посту”. Примет Марков участие и в походе через Хинган, а также и в разгроме отборных соединений Квантунской армии. О личных впечатлениях тех лет и военных действиях в Забайкалье, Монголии и Маньчжурии Марков поведаёт читателю в повести “Орлы над Хинганом”, написанной в 1948 году, а затем, через тридцать лет, в документальной повести “Моя военная пора”.

В том же 1948 году в издательстве “Советский писатель” роман “Строгов” будет впервые издан в полном объёме. Он принесёт писателю по-настоящему большой успех и тысячи восторженных писем от читателей.

В центре внимания писателя — жизнь семьи Строговых, обосновавшейся на глухой таёжной пасеке, о чём Марков и говорит в самом начале романа: “...Строговы жили на скромные доходы от пасеки; подспорьем служила охота, а кроме того, кедровые орехи, грибные и ягодные уголья тайги. Жили на пасеке семьёй из пяти человек: старики Захар с Агафьей да родной брат Агафьи — дед Фишка — и Матвей с молодой женой Анной.

Пятистенный дом Строговых, окружённый густо разросшимися кустами черёмухи, стоял на косогоре, окнами к южной, солнечной стороне. От дома влево — двор, крытый по-сибирски наглухо, вправо — пасека.

У подножья косогора — речка Соколинка с прозрачной родниковой водой. За речкой — опять косогор, за ним — долины, холмы, мелколесье, нераспаханные вольные сибирские земли.

К северу от пасеки — стеной тайга. Тайга на тысячи вёрст и безлюдье, простор, глушь...”

Так начинал Марков большое повествование о Сибири и сибиряках. Затем, в 1960 году появится роман “Соль земли”, где мы повстречаем новое поколение Строговых. Несколько позже свет увидит роман “Отец и сын”, во многом автобиографичный, рассказывающий историю отца и сына Бастрыковых, связывавшуюся с событиями по созданию первой коммуны на Васюгане... С тех самых пор сибирская тема и не отпускала писателя.

4

Творческой вершиной в пятитомной эпопее Маркова о Сибири, вне всякого сомнения, стал роман “Сибирь”. Эпопеей же, при некоторой условности, критики и литературоведы обозначали все пять романов писателя: “Строгов”, “Соль земли”, “Отец и сын”, “Сибирь”, “Грядущему веку”. Думается, что это объединение в единый эпический цикл было правильным, посему не станем от него отказываться и мы.

Развитие, движение “сибирской эпопеи” идёт одновременно и вширь, и вглубь. Если “Соль земли” и “Отец и сын” в той или иной мере продолжают “Строговых” — новые поколения (Матвей и Артём Строгов, Алёша Бастрыков) как бы принимают эстафету у своих дедов и отцов, дальнейшими своими поступками доказывая состоятельность и непреходящую актуальность идеи о непрерывности революции и преемственности поколений в утверждении её идеалов, то в романе “Сибирь”, отражающем примерно тот же исторический

период, что и “Строговы”, происходит углубление художественного исследования тех условий и предпосылок, которые способствовали возникновению и укреплению революционного сознания сибиряков.

В романе “Сибирь”, гармонично объединившем как эпическое, так и лирическое начало, Марков изобразил этот необъятный край в его своеобразии и красоте, показав величие, природную мощь, изобилие, суровость, загадочность, овеянные легендами и былями, присущие сибирской земле. Явственно заметен в повествовании и удивительный, неповторимый сибирский колорит. На его фоне писатель красочно рассказывает нам о необыкновенной природе, о народных обычаях, о древних курганах и находках, о ловле рыбы, витье веревок, об обычае таёжников оставлять для других людей всё самое необходимое, без чего нельзя обойтись в таёжных условиях. Принципиально Марков подошёл и к показу обобщённого, собирательного лика сибиряка тех лет, напрочь отвергая, как и в предыдущих романах “Строговы”, “Соль земли”, “Отец и сын”, предвзятое, одностороннее представление о сибиряках как диких, отсталых людях, живущих по патриархальным канонам в страшном и жестоком мире, где разумные мысль и действие отодвинуты на задний план.

Тем не менее главными действующими лицами в этом произведении становятся не коренные жители, рождённые на сибирских просторах, а ссыльный Иван Акимов и его невеста Катя Ксенофонтова. И пассаж сей не был случайным. Марков целенаправленно представлял Сибирь глазами людей пришлых, незнакомых с характерными особенностями данного региона и, соответственно, непредвзятых, не ангажированных в своей слепой привязанности к этому краю. Они-то и смотрят на Сибирь свежим глазом, испытывая некий познавательный настрой. Заинтересованы эти герои и в изучении реального положения дел в крае, новых человеческих натур и крестьянских судеб.

Сковывают же их в этом стремлении реальные ограничения, на которые они идут, являясь революционерами. Потому-то несколько проще изучать Сибирь получается всё ж у пытливой Кати, однажды для себя мысленно отметившей: “Сибирь... Она в Сибири... Умопомрачительно! Приехала сама, вызвалась добровольно... Если б кто-нибудь пять лет назад предрёк бы ей всё это, она бы сочла того сумасшедшим...” Ей удаётся пробраться в деревню, увидет жизнь сибирских крестьян и даже выступить перед молодёжью. Задумывается она и о расслоении крестьянства, его причинах. Узреть тот социальный срез, достаточно выпукло выписанный Марковым, можем и мы, разумеется, смотря на него с учётом принципиального обстоятельства, заключающегося в том, что роман этот повествует, прежде всего, о революционерах и тех, кто задумывается о необходимости революционных преобразований.

Не стоит полагать, что роман “Сибирь” – произведение предельно идеологизированное и безмерно выхолощенное на предмет строгого соответствия партийности в литературе, которая для Маркова всегда имела приоритетное значение. При том, что главные герои романа – большевики, его, как крупное эпическое полотно, рассматривать следует с разных ракурсов. И с чисто художественных, начиная с языковых особенностей письма, и с сугубо реалистической стороны, позволяющей ответить на ключевой вопрос: а достоверно ли описал то время Марков? Не сгустил ли краски?

Думается, что истине писатель никак не противоречил, не выводя в данном историческом, или, как принято было называть в советском литературоведении, историко-революционном романе ни одного исторического лица. А вот крестьяне, рыбаки, охотники, лавочники, попы, сельские старосты, кулаки-миродеды, полицейские, чиновники в “Сибири”, наблюдаемые в череде драматичных событий с побегами ссыльных, с облавами, сельскими сходками, вечёрками, праздничными выходами охотников в тайгу, свадьбами и необычными происшестввиями на великом Сибирском тракте, не воспринимаются опосредованно. Они не плод фантазии писателя, желавшего представить их однобоко, лишь показывая зарождение революционных настроений у некоторых из них, таких, например, как неутомимый труженик, умелец Степан Лукьянов, забывая при сём об основных чертах и *родимых пятнах* того дооктябрьского времени.

Вообще же образы исконных сибиряков у Маркова написаны довольно-таки колоритно, с явной авторской симпатией, основанной на первых детских и юношеских впечатлениях, когда будущий писатель только начинал присматриваться к своим землякам, внешне суровым, но с богатым духовным миром

и устоявшимися представлениями о жизни, человеческих взаимоотношениях, труде.

Среди героев из народа, олицетворявших Сибирь и сибиряков, особо люб писателю, по всей видимости, был удивительный старик Федот Федотович Безматерных, неутомимый жизнелюб, своеобразный поэт тайги, выходец из рабочей среды, ещё в 70-е годы XIX века участвовавший в одной из первых рабочих стачек в России и осуждённый на каторгу и вечное поселение в нарымском крае. Его Марков показывает в неразрывной связи со ставшей для него родной сибирской землёй, искоженной им вдоль и поперёк. И кажется, что, как ни обширна тайга, а нет всё же в ней мест, не знакомых Безматерных. Лучшего проводника, заботливого и не устающего просвещать, настоящего “таёжного профессора” для Ивана Акимова и быть не могло. Да и для нас, читателей, образ этот – словно открытие, неистощимый источник практических знаний о матушке-Сибири.

Примечательно и то, что в пути, пролежавшем по извилистым дорогам, вдоль речных гладей Оби, Парабели, Кети, Чулыма, Юксы, Ивану Акимову, как и Кате Ксенофонтовой, повстречается немало других интересных людей, смелых, боевых, знающих таёжные тропы. Семьи Горбяковых и Лукьяновых, крестьянин Ефим Власов, молодой тунгус Николка, помогающий ссыльным отшельник и правдоискатель Окентий Свободный и становятся в романе олицетворением самобытных сибирских характеров. По их делам и думам молодые большевики переживают “узнавание” Сибири. Благодаря этим героям Сибирь постигали и миллионы читателей.

Дивную встречу подарит нам Марков и с мудрой старухой Мамикой, моральный авторитет которой в деревне непререкаем. Жена Степана Лукьянова Татьяна Никанорова так рассказывает Кате о ней: “У нас, правда, в Лукьяновке потише, чем в других местах... А всё оттого, что есть мировой судья, слава богу, пока живая. Зовут Мамика. Старуха. Говорят, скоро сто лет стукнет. В такие годы многие из ума выживают, а эта – наоборот. Из себя хилая, в чём душа держится, а ума – палата и год от году всё мудрее... С дочерью живёт. Сынов покрошила война. Старших два пали ещё от японцев, а младшего загубил германец... Мамика – это по-нашему, по-деревенски, вроде мать всех. А зовут её Степанида, по отцу Семёновна”.

Введя в повествование Мамику, столетнюю старуху, далёкую и от революционных помыслов, и, тем более, от большевизма, о котором она, наверное, нигде и не слышала, Марков решает принципиально важную задачу по показу преемственности поколений и незыблемых нравственных устоев, царивших в сибирских деревнях того предреволюционного времени. Мудрость народная, говорит нам писатель, как раз и заключалась в том, что в сибирских селениях такие вот Мамики выступали в качестве верховных авторитетов. То бишь младшие, как это и было заведено испокон веков, почитали старших, прислушивались к ним. Потому и считают лукьяновцы Мамику своей прама-терью, почитая её за справедливость, рассудительность и строгость. Неслучайно почитает Марков необходимым скрываться Кате Ксенофонтовой после побега из-под ареста за большевистскую агитацию именно в избе старой Степаниды, показывая таким образом и то, что не принято было у сибиряков отказывать в помощи и защите людям, преследуемым и гонимым. А уж разделить кров с каждым нуждающимся так и вовсе считалось делом обязательным и богоугодным...

Не откажется помочь Кате и щуплый старик с редкой бородкой и лохматой, непричёсанной головой Окентий Свободный. Между ними произойдёт занимательный диалог, показывающий философские воззрения старика, явно противоречивые, но и не лишённые определённого смысла и оснований для их зарождения. Так, на вопрос Кати к Окентию, в кого он верит, Марков представил читателю следующий разговор между этими неординарными людьми:

– Ни в бога, ни в черта, ни в царя, – переходя с писклявого голоса на твёрдый и резкий тон, ответил Окентий, и кончик его носа вызывающе приподнялся.

– Ну, а всё-таки во что-нибудь вы верите? Без веры жить невозможно. Например, в материальность мира верите? В человеческое счастье верите? – Катя в последние дни мало разговаривала и сейчас испытывала удовольствие от возможности задавать Окентию вопросы. Она оживилась, глаза её загорелись.

— Скажу, дочь, во что верю, — приподняв руку, остановил её Окентий. — Верю в Природу. Она была до нас вечно и будет после нас вечно. И существа будут, как и были. Такие ли, как при нас, или иные, но будут. Всё от солнца, дочь. Солнце кончится — и Земле конец. И будет это нескоро. Сосчитать нельзя — счёту не хватит у человека. Потому что ум у него короткий. А что будет дальше, не знаю, но что-то всё-таки будет. Ничего не может не быть.

“Стихийный материалист”, — промелькнуло в голове Кати, и она поторопила Окентия всё тем же вопросом:

— А в счастье человека верите?

— Измельчали людишки, разменяли людское на зверское. — Окентий вскинул свою голову, и кончик его носа заострился, как бы невидимо вонзаясь в Катини любопытствующие глаза. — Свобода от страха, дочь, в этом счастье человека... Я пробился, дочь, к этому через страдания. Гнёт страха преследовал меня. Вначале был страх, который внушала семья. Страх перед родителями. Потом страх перед обществом. С малых лет грозовой тучей висел над моей бедной головой страх перед богом. Пожалуй, самый большой страх. А страх перед царём? А страх перед нечистой силой? Перед голодом? Перед смертью? Я не жил, а трепетал, душа моя всегда была собрана в комок...”

А далее Окентий говорит Кате о силе человеческой души: “— Человек, дочь, чем слаб, тем и силён: душа. От неё он может стать суеверным калеккой, которого то бог, то сатана будут преследовать каждую минуту, а может от неё же, от души стать бесстрашным богатырём... которому всё ничо чем... подвластно самое неподвластное”. И стать им можно, по разумению старика, лишь в том случае, если душа отвергнет страх, восстанет против него.

Образы Лукьяновых, Мамаки, Федота Федотовича, Окентия и дают нам возможность прочувствовать ту неразрывную связь простого сибиряка с родной землёй, с народными узами, традициями, устоями и неписаными законами, свято чтимыми людьми, привыкшими жить своим, а не чужим трудом.

Демонстрации неизбежности революции как единственно возможной силы, способной изменить повседневную жизнь большинства народа, а вместе с ним избавить и саму землю от хищнического, потребительского отношения к ней, посвящал этот свой роман Марков, когда начинал над ним работать в конце 60-х годов прошлого столетия. При этом следует подчеркнуть и одно принципиальное обстоятельство. Роман “Сибирь” ни в коей мере не стал продолжением творческой разработки темы о приходе сибирского мужика к революции, которую писатель талантливо развил в своём первом романе “Строгов”. Да и проблематика романов несхожая. Роднит же их то, что писались они о Сибири и сибиряках, а также и тех, кто, как Иван Акулов, Катя Ксенофонтова, профессор Лихачёв, в этот край, не будучи его уроженцами, влюбляются; ну и, конечно, те хронологические рамки, в которых Марков и выстраивал сюжетные линии этих внушительных по объёму, содержанию и смысловой нагрузке произведений.

Очевидно и то, что “Сибирь” — более глубокое, наполненное социально-психологическими и философскими размышлениями и обобщениями творение, выходящее за рамки семейной хроники о жизни Строговых. В нём присутствуют исключительно важные мысли исследователя Сибири профессора Венедикта Лихачёва, который в романе выступает как бы главным предтечей тех преобразований, неминуемость которых он предвидел ещё до Великой Октябрьской революции. Символичны и его слова, которые в конце романа Иван Акулов, не застав профессора в живых в злополучном Стокгольме, куда он так мучительно долго пробирался из Сибири, прочтёт на седьмой странице его “Набросков” к работе “Сибирь (введение)”: “Родина моя накануне социальных потрясений. Буря и разрушает, и создаёт условия для роста новых сил. Даже на опустошённых ею участках вырастает лес и гуще, и крепче. Не будем бояться этой бури. Пусть она пронесётся, как смерч. Иначе родная земля не очистится от скверны. Иначе бесталанные люди — всякого рода мерзавцы и самозванцы — будут продолжать топтать мой народ, изгаляться над его великой и прекрасной душой, взнуздывать его в пору благородных порывов, глушить его высокие стремления.

Нет, не будем бояться бури!”

Буря в России настанет очень скоро.

Георгий Мокеевич Марков оставил потомкам внушительное литературное наследие, лучшие вещи из которого были к тому же и вполне удачно экранизированы и о котором, разумеется, в одночасье не скажешь. Хочется верить, что оно не будет забытым и к нему обратят свои взоры новые поколения. Искренне хочется верить и в то, что в народе поймут и воспримут его фигуру во всём многообразии — как писателя, гражданина, крупного общественного и политического деятеля своей советской эпохи, в которой он жил, творил и которую считал достойной для своего многонационального народа. Такими именами нельзя разбрасываться и сводить всё к политике. Литература действительно нередко имеет с политикой самую тесную связь. Но всё же о писателе, какие бы должности он ни занимал, следует говорить, прежде всего, как о художнике, а в том, что Марков был художником по-настоящему крупным, необычайно талантливым и самобытным, думается, сомнений быть не может.

.....
В № 3 за 2021 год на странице 235 следует читать “До него это не удалось ни маршалу Победы Георгию Жукову, ни Генералиссимусу Иосифу Сталину...”
Редакция приносит извинения за допущенную ошибку.